
ЛОГИКА СЕГОДНЯ

Ангелина Боброва¹

КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ ИЛИ ЛОГИКА?²

Аннотация. В работе обсуждается вопрос о статусе критического мышления в российской системе образования. Отстаивается позиция, что курсы критического мышления вряд ли смогут по существу заменить общие курсы логики. Термин «критическое мышление» довольно смутный, но в то же время понятна его тесная связь с уровнем логической культуры. Эта связь оказывается очевидной, если посмотреть на критическое мышление в исторической перспективе. Ядро критического мышления может быть найдено в философии Просвещения, которая изменила ход истории, заставив, по утверждению М. Баттерсби, апеллировать к научному мышлению и рациональности вместо старой опоры на церковь и короля. В связи с этим, критическое мышление может рассматриваться как наследник эпохи Просвещения, а это положение служит аргументом в пользу значимости логики. Не противоречат этой связи и результаты современных психолого-когнитивных исследований, указывающих якобы на границы логического. Вместе с тем критическое мышление не стоит отождествлять исключительно с логикой в ее привычном понимании. Кроме формальных логических знаний и определенного уровня общей образованности оно предполагает умение автора оставаться непредвзятым и оценивать аргументы противников, как свои собственные, — эти принципы могут быть почерпнуты в критических сочинениях И. Канта.

Ключевые слова: критическое мышление, неформальная логика, когнитивные теории, рациональность, критический метод, преподавание логики.

Angelina Bobrova

CRITICAL THINKING OR LOGIC?

Abstract. The paper deals with the status of critical thinking in Russian educational system. I argue that we can hardly meaningfully substitute regular courses of logic with critical thinking courses. The term “critical thinking” is rather vague, but it can be clarified with appeal to logic. The tight connection of critical thinking with general level of logical culture is obvious. On considering this matter from a historical perspective the linkage becomes clear. The critical thinking core can be found in the Enlightenment philosophy that changed, as Battersby mentions, the course of history by advocating for scientific reasoning and rationality to replace the old defense to church and king. Thus, it can be appraised as the inheritor of Enlightenment Project, and this role emphasizes the importance of logic. The results of contemporary psychological and cognitive investigations, which point to the so-called limits of logic, are also consistent with this correlation.

¹ Боброва Ангелина Сергеевна, кандидат философских наук, доцент кафедры истории зарубежной философии Российского государственного гуманитарного университета.

Angelina Bobrova, PhD, associate professor, Department of history of foreign philosophy, Russian State University for the Humanities.

angelina.bobrova@gmail.com

² Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 18-011-00889А).

However, critical thinking should not be identified with logic in its customary sense. Besides the formal logical knowledge and adequate education, it presumes a speaker's ability to be open-minded and to evaluate opponents' arguments as if they were her own. These principles can be found in Immanuel Kant's critical treatises.

Keywords: critical thinking, informal logic, cognitive theories, rationality, critical method, logic teaching.

Аналитики World Economic Forum, рассуждая о компетенциях, значимых в ближайшем будущем, с завидным постоянством указывают на критическое мышление, которое позволяет в наш век обилия и легкого доступа к информации ее отбирать, анализировать, оценивать. Рассуждения о критическом мышлении обычно указывают на результаты, к которым оно должно приводить, а именно на способности ориентироваться в бесконечно растущем потоке информации (данных, мнениях и т. п.), отбирать важное, отстаивать свое мнение, выслушивать и оценивать позиции собеседников, оставаться беспристрастным. Содержание понятия рассматривается как нечто для всех очевидное, а основной проблемой остается поиск образовательной модели, которая могла бы максимально продуктивно развивать указанные способности. Существующая ныне модель чаще всего оценивается как неэффективная, но как именно она должна быть перестроена, чтобы стать эффективной, остается непроясненным. В высшей школе проблема отягощается еще и тем, что из англосаксонского мира в российскую систему образования приходит уже сложившийся по содержанию одноименный курс, на котором этому мышлению обучают или пытаются обучать.

Каким образом можно обучать студентов мыслить критически? Эта проблема выходит за рамки моей компетенции, а потому оставляю ее на откуп специалистам по педагогике и психологии. Меня интересует вопрос о статусе критического мышления как самостоятельной дисциплины. Классическая философия соотносит данный навык с уровнем логической культуры индивида (безусловно, при условии хорошего общего образовательного уровня). Я покажу, что такая оценка актуальна и сегодня: это подтверждают современные когнитивные теории, которые во многом способствовали модернизации представлений о месте и способах овладения критическим мышлением.

В работе последовательно затрагиваются следующие вопросы: что о критическом мышлении говорит логика, каким образом психологические эксперименты подрывают эту парадигму, почему такой «подрыв» оказывается скорее мнимым, чем реальным.

Логика и критическое мышление

Без понимания того, что именно считать критическим мышлением, рассуждать о необходимости перестройки образовательного процесса бессмысленно. Однако вопрос дефиниции оказывается далеко не тривиальным. Прототипы критического мышления возникли уже в античности, а за прошедшие столетия это понятие накопило столько смысловых оттенков, что вместить их в

одну формулировку попросту не получается. Одни исследователи отождествляют его с логикой и прикладной эпистемологией, другие — с процессом принятия решений; одни — рассматривают критическое мышление в свете нормативных подходов, другие — настаивают на важности дескриптивной составляющей. Одним словом, найти какое-либо единство в сложившемся множестве не представляется возможным. Складывается впечатление, что термин содержательно перегружен. На эти сложности я указывала ранее (Боброва 2017).

Однако какое-то общее (предварительное) определение критическому мышлению дать все же возможно. Я предлагаю рассматривать его как мыслительный навык, который позволяет определенным образом перерабатывать информацию. О «типах» или способах такой переработки говорит Р. Эннис, согласно которому речь идет об обоснованном рассуждении, которое помогает определять, во что верить или что делать (Ennis 2013). Р. Баттерсби уместно подчеркивает его четкую ограниченность эпистемологическими нормами — такими как определение и элиминация ошибок, анализ и оценка аргументов (Battersby 2016).

Как и любое мышление, критическое мышление проявляется в языке. Если посмотреть на признаки владения им (умение рационально формулировать и отстаивать свою позицию, осмыслять услышанное/прочитанное, давая ему максимально объективную оценку), становится понятно, что оно должно быть связано с рациональной оценкой правомерности рассуждений, чем, собственно, традиционно и занималась логика. Сегодня, правда, логика отошла от непосредственного анализа рассуждений с помощью таких форм, как, скажем, *modus ponens*, но только для того, чтобы еще глубже проникнуть в вопросы правомерности, достоверности, логического следования, то есть всего того, что связывает наши мысли. Сопоставление логики и мыслительных процессов вовсе не возвращает к проблеме классического психологизма: логику интересует не мышление, а формальная правомерность соединения одной мысли с другой.

Связь критического мышления с навыком логического анализа прослеживается на протяжении практически всей истории развития философской мысли. Прототипы современных коннотаций этого термина можно найти в знаменитом методе выспрашивания Сократа (Corcoran 1999). Определенные его оттенки проявляются в средневековых диспутах (Лисанюк 2015). Но современное, точнее, близкое к современному, понимание критического появляется в Новое время, когда логика начинает рассматриваться как метод, способ открытия новых знаний. Это время появления практических логик (Пор-Рояль, Хр. Вольф), зарождения научного знания, время кантовского переворота, предложившего такое осмысление критического, которое и сегодня можно считать эталонным (хотя само значение термина в его время существенным образом отличалось от того, что под «критическим» сегодня привыкли понимать мы). В разговорах о практических логиках принято прежде всего ссылаться на работу А. Арно и П. Николя (Арно и Николь 1991): кро-

ме теоретических положений традиционной логики, работа наполнена множеством примеров и практических советов. Однако ближе к нашему пониманию все же оказывается работа Вольфа (Вольф 1765). Чтобы это показать, приведу названия лишь некоторых глав: «О науке, вере, мнениях и заблуждениях», «Как следует исследовать как свои собственные силы, так и силы других в вопросе о том, достаточны они или нет для исследования истины», «Как следует оценивать как свои собственные открытия, так и открытия других», «Как следует судить о сочинениях», «Как действительно с пользой следует читать книги», «Об объяснении написанного с рассудком сочинения, в особенности Священного Писания», «Как следует убеждать», «Как следует опровергать», «Как следует проводить диспут», «Как следует обретать умение в применении логики». Для российской традиции Вольф оказывается важным и в силу исторического влияния, которое имела немецкая мысль на становление российского образования.

Современная символическая логика со своим сложным формальным аппаратом и дистанцированием от философии сделала связь, о которой идет речь, менее очевидной: логические формализмы стали слишком трудны для освоения студентами, не изучающими логику специально, их философская нагрузка потеряла свою очевидность, а потому для отработки навыков критической оценки ищутся иные возможности. Казалось, выход был найден после появления в русле аргументативных течений неформальной логики (*informal logic*). Как справедливо замечает Э. Блэр — один из ее основателей, — в 80-е годы XX века термин «критическое мышление» стал активно связываться с термином «неформальная логика»: именно этот термин служил названием курсов, разработанных для университетов с целью обучения студентов навыкам критического мышления (Blair 2011: 5). В определенной степени это имеет место и сейчас, хотя нельзя не заметить, что появилась тенденция эти понятия систематически разводить.

Эту тенденцию отчасти объясняет бурное развитие наук о мозге. Все, что связано с восприятием, переработкой, оценкой информации, в наши дни вызывает живой интерес, порождая оправданное желание тут же найти практическое применение в образовании открытиям когнитивных наук. Именно эти исследования выявили социальную природу рассуждений, склонность людей к принятию иррациональных решений и т. п. Экспериментально было показано, что люди не очень хорошо справляются с дедуктивными рассуждениями, неправильно высчитывают математические вероятности, так что может сложиться впечатление, что логику для понимания человеческого общения можно оставить в стороне. Как результат современные подходы начали теснить традиционную модель рациональности, заданную философией Нового времени и Просвещением, в которой последняя рука об руку шла с логикой, дедукцией. Классическая модель, воплощённая в классической же философии науки, оказалась для современных исследований слишком узкой. Исследования последних десятилетий и в самом деле заставили говорить о плюралистическом подходе к рациональности (Dutilh Novaes 2012: 147), ко-

торый между тем все же не предполагает полного отказа от ее классического для Нового времени понимания: разные виды рациональности если и уживаются между собой, то, как правило, выстраиваются вокруг сложившихся образцов. В этом случае отказ от образцов логических в пользу плюрализма рациональности не выглядит убедительным.

Возможно, для выработки четкого понимания «критического мышления» нам просто потребуется время, но до этого момента разрывать в образовательном процессе связь этого «метанавыка» (как его сегодня порой определяют) с логикой — по крайней мере, в российской системе, а я ограничиваюсь ею, — было бы неоправданно и безответственно. Наличие относительно небольшого количества экспериментов, работающих в искусственных условиях, не могут подорвать многовековой авторитет этой науки, а логические курсы вряд ли окажутся слишком старомодными: содержание современных логических курсов чрезвычайно многообразно. Логика даёт ответы на многие вызовы, брошенные психологами несколько десятков лет назад, и эти ответы порой весьма нетривиальны. Отказ же в российской модели от логических знаний в пользу курсов критического мышления лишает основания саму возможность выработки навыка, о котором идет речь: если базовая логическая составляющая уходит, то, вследствие нечёткого понимания термина «критическое мышление» и неопределённости дисциплинарного статуса этого предмета, неизбежно окажутся размытыми его содержательная и практическая составляющие.

Психологические эксперименты и логика

Неуклонный рост накопленных наукой со второй половины XX века данных, доказывающих, что логическим формам люди следуют далеко не всегда, имеющий место в научном мире со второй половины XX века, несколько пошатнул положение логики в общей системе знания. Оказалось, что, во-первых, рассуждения людей зависят от контекста, во-вторых, они не всегда корректно выявляют логическую форму.

Примером зависимости первого вида (зависимость от контекста) может стать эксперимент Р. Берн (1983), в котором испытуемым предлагалось сначала сделать вывод из посылок:

- (1) Если ей надо написать эссе, она будет допоздна работать в библиотеке
и
- (2) Ей надо написать эссе.

А затем требовалось сделать вывод с учетом дополнительной посылки: если библиотека будет открыта, она будет допоздна работать в библиотеке (цит. по Драгалина-Черная 2015: 119).

В первом случае правильный вывод: «Она будет допоздна работать в библиотеке», — делали 90% испытуемых, а во втором — лишь 60%.

Что касается вопроса логической формы, который явным образом выте-

кает из первого пункта, то показательным тут может стать эксперимент П. Уэйзена 1968 года (Wason selection task), показывающий, что люди далеко не всегда корректно идентифицируют контрапозицию: «если a , то b , а следовательно если не- b , то не- a ». В ходе эксперимента испытуемым предъявлялись четыре карточки: E, K, 4, 7. После этого предлагалось ответить на вопрос: какие карточки необходимо и достаточно перевернуть, чтобы проверить, выполняется ли следующее правило: если на одной стороне карточки — гласная буква, на другой стороне — четное число? Большинство испытуемых выбирали E и 4 (около 45%) или только E (35%). Но это было ошибкой. Правильный ответ давало лишь 5% испытуемых: перевернуть надо E, чтобы подтвердить указанное правило, и 7, чтобы убедиться, что в этом примере нет исключений, то есть если на карточке написано 7, гласной на ее обратной стороне не будет (Величковский 2006: 222). Таким образом, лишь 5% корректно обращались к контрапозиции. Правомерность этой логической формы эксперимент, безусловно, не пошатнул, но сделал явной проблему ее выявления: форма рассуждения на самом деле определяется далеко не тривиальным образом. Эксперимент опять же указал на значимую роль контекста: «...когда карточки с буквами и числами заменялись карточками с названиями городов и транспортных средств ‘Лондон’, ‘Манчестер’, ‘поезд’, ‘машина’, а в качестве проверяемого правила предлагалось следующее: ‘Если мне нужно в Манчестер, я еду на поезде’, то большинство британских испытуемых рассуждали правильно. Они выбирали карточки, на которых написано ‘Манчестер’ и ‘машина’» (Величковский 2006: 223).

Примеры, очевидно, вынуждают обсуждать вопросы релевантности и контекстной зависимости рассуждений. И в логике они, стоит подчеркнуть, уже не одно десятилетие обсуждаются как на уровне формальных связей в рамках символического подхода, так и содержательно. Логика не является застывшей наукой, скептически отвергающей все открытия смежных с ней дисциплин. Изучению контекстных зависимостей помогает, например, работа с модифицируемыми рассуждениями (немонотонными выводами), оценка которых зависит от внешних факторов (Prakken & Sartor 1997). Немало на сегодняшний день существует исследований, посвященных вопросу логической формы: где-то эта проблема обсуждается на общефилософском уровне (Драгалина-Черная 2015, MacFarlane 2000), но вместе с тем предлагаются и совершенно формальные решения (см. (Caminada 2008) как пример решения вопроса контрапозиции). Море литературы по указанной проблематике можно найти и в неформально-диалектическом подходе. Как и выше, только для примера, приведу лишь пару последних (Macagno & Walton 2016, 2018). Во всех работах, что важно, авторы не ставят под сомнение основы логики, не отвергают известные логические структуры, а показывают, каким образом проблемы релевантности контекстных зависимостей могут решаться в рамках имеющихся возможностей. Сложившаяся ситуация, как замечает Е. Г. Драгалина-Черная, позволяет задуматься над многообразием подходов к пониманию логического в целом и логической формы в частности.

Итак, логикам (в первую очередь я говорю о логиках-философах, работающих в формальном и в неформальном ключах) и формальным философам проблемы, возникающие в рамках психологии, в целом знакомы, а сегодняшние разработки в области когнитивных наук (теория ментальных моделей, теория релевантности и т. д.) делают их лишь еще более актуальными. Важно, что логический подход предполагает не просто описание полученных экспериментальных данных, но их анализ на теоретико-нормативном уровне.

Контекстная зависимость осмысливается и в литературе по критическому мышлению. Так, Дж. Майнес рассуждает о целесообразности введения понятия экологической рациональности, то есть рациональности, оцениваемой с учетом контекста (Maupes 2017). Это предложение, с одной стороны, хорошо соотносится с плюралистическим подходом к рациональности в рамках философии, с контекстными зависимостями, которые изучает логика. Более того, оно согласуется и с когнитивно-психологическими представлениями, например, с теорией ментальных моделей (Stenning 2001; Stenning & van Lambalgen 2007) — люди размышляют в рамках моделей, создаваемых их собственными знаниями и представлениями о мире. С другой стороны, идея таит в себе немало технических сложностей: во-первых, оценивать рациональность в каждом конкретном случае довольно сложно, так как случаев всегда будет необозримо много; во-вторых, понимание ситуации одним собеседником, то есть его модель, не обязательно будет совпадать с пониманием ситуации другим, что делает неясным принцип сравнения и оценки. Одно из немногих решений видится, очевидно, в классификации самих случаев, что, стоит признаться, само по себе представляет серьезную работу, пример которой можно найти в работах Д. Уолтона, посвящённых типизации диалогов. Однако это решение опять же возвращает нас в область логики.

Итак, эксперименты, подорвавшие в свое время веру в классические устои логики, не только не должны уводить психологов, а вместе с ними и педагогов, от логики, но и, наоборот, ставить логические проблемы и методы на первый план.

Номо economicus и критическое мышление

Своего рода альтернативу традиционному пониманию рациональности предложили нео-экономисты, проповедовавшие теорию рационального выбора. Согласно ее основным положениям, заложенным в 50-е годы прошлого столетия, человека понимают как эгоистичное, рациональное, ожидающее максимальной пользы существо с постоянными вкусами — *homo economicus*. Раз вкусы неизменны, а люди рациональны, то можно говорить о полной последовательности их действий и предпочтений: если А предпочитается В, а В — С, то А предпочитается С. Эта ситуация, однако, явно расходится с действительностью. Само понятие *homo economicus* есть идеализация, подобная идеализациям математики и естествознания: идеальный газ, материальная точка и т. д. Но если в этих дисциплинах пренебрежение и игнорирование ка-

ких-то свойств изучаемых объектов оправдывается выбранным масштабом и полученными результатами, то идеализация *homo economicus* в вопросах рассуждения не соответствует ни первому, ни второму из указанных условий.

Понятие предпочтения не транзитивно, а в нео-экономическом подходе оно работает только потому, что контекст рассуждений в нем признается неизменным, что, как только что было замечено, далеко от реальности. Кроме того, разрушительным оказывается и признание человека эгоистичным существом, постоянно увеличивающим собственную выгоду. Что означает такая максимизация применительно к рассуждениям и как ее измерять (даже если принимать эту характеристику как уместную)?

В критическое мышление *homo economicus* приходит, видимо, в силу тесной связи последнего с процессом принятия рациональных решений: в экономических теориях говорится о принятии решений, а рассуждения рассматриваются как их основа. Эта связь, позволившая заимствовать нео-экономическое понимание рационального, большой пользы критическому мышлению не принесла. Возможно, *homo economicus* и предоставляет для экономистов какие-то удобства в расчетах, но к рациональности он имеет лишь косвенное отношение. Не спасает его и погружение в контекст, которое часто можно встретить сегодня.

Неработоспособность *homo economicus* в отношении рассуждений блестяще доказали Д. Канеман, А. Тверски, П. Словик (Канеман, Словик, Тверски 2005; Канеман 2013). В качестве примера приведу их описание одного эксперимента. Двум людям предлагается сыграть в игру: один человек должен разделить 100 долларов между собой и партнером так, как считает справедливым. Второй участник может одобрить данное разделение, или же его не одобрить, и в последнем случае ни один из участников денег не получает. Рациональным решением для второго участника должно быть принятие любого предложения от первого, так как в противном случае он не получит ничего. Таким образом, первому участнику выгодно поделить деньги 99 против 1. Однако в реальности люди, выступающие во второй роли, отказываются одобрять подобное разделение денег, предпочитая потерять все.

Свидетельствует ли такой эксперимент о нерациональном решении? При принятых условиях и своеобразной трактовке «рациональности» — да. Но можно ли однозначно утверждать, что второму участнику чуждо критическое мышление? Если принять во внимание понятие справедливости, без которого вряд ли человек, будучи существом социальным, смог бы жить в обществе, то решение второго участника оказывается вовсе не иррациональным, а даже, наоборот, критически оправданным. Нарушение в приведенном примере принципа одномоментной максимизации пользы свидетельствует об учете жизненно важной иерархии ценностей: может быть, в каждом конкретном случае эгоистичная максимизация прибыли и является выигрышной тактикой, но она стратегически проигрывает в долгосрочной перспективе, равно как не работает она в социальных контекстах.

Своими экспериментами Канеман и его коллеги сделали первый, но, как оказалось, далеко не достаточный шаг на пути разрушения экономической рациональности. О ключевых ограничениях модели рационального, используемой неоклассическими экономистами, в отношении понимания критического мышления пишут сегодня весьма активно. Так, М. Баттерсби, настаивая на связи критического мышления и процедуры принятия рациональных решений, показывает неэффективность экономического подхода: он указывает на его внеконтекстность, а также на настойчивое пренебрежение представлениями о потере, соглашении, обладании, фрейминге и т. д. (Battersby 2016: 112). Сомнение вызывает и пренебрежение базовыми человеческими ценностями, такими, например, как упомянутая выше справедливость.

Наконец, насколько вообще в один ряд можно поставить понятия критического мышления и принятия решений? С одной стороны, поступок для того чтобы быть признанным рациональным, требует критического обоснования. Но с другой – вполне можно допустить существование решений, которые принимаются до момента их обоснования, что вовсе не свидетельствует об иррациональности. Если пользоваться терминологией упомянутого Канемана, критическое мышление — мышление медленное, и применяем мы его в крайних случаях, а для остальных ситуаций существует быстрое мышление, которое не предполагает основательного анализа связи между посылами и заключением. Впрочем, среди рассуждений, которыми занимается критическое мышление, и в самом деле можно найти их практические версии: заключения в них призывают к совершению действий. Получается, что соотношение этих двух понятий оказывается возможным. Однако критическое мышление как мышление все же тесно связано с природой рассуждений, а потому если мы хотим понять, что оно собой представляет, больше внимание стоит уделять именно природе рассуждений, а не поступкам, которые можно рассматривать как их результат.

Аргументативная теория рассуждений и критическое мышление

Вопрос природы рассуждений обсуждается специалистами из области когнитивных наук довольно активно: как и почему мы рассуждаем, что служит толчком для рассуждений, что влияет на их убедительность. Этим проблемам посвящен целый ряд исследований (любой список будет неполным, а потому, чтобы никого не обидеть, перечисление имен опускаю). Одной из самых влиятельных современных теорий, посвященных анализу рассуждений, является, пожалуй, аргументативная теория рассуждений, разработанная Д. Спербером и Х. Мерсье (Sperber & Mercier 2011, 2017).

Основные ее положения можно резюмировать так³: рассуждение — социальное явление, а его основная функция — аргументация. Так как наш ра-

³ Описание довольно краткое, а потому для понимания всей концепции его будет явно не достаточно. Познакомиться с теорией можно, обратившись к новейшей монографии этих

зум (reason) направлен на процессы координации и коммуникации, то в общении люди, с одной стороны, пытаются убедить собеседников, а с другой — оценивают их аргументы. Симметрии между подтверждением и оценкой не существует: подтверждение всегда более предвзято, а оценка более критична. При этом сам навык оценки зачастую вырабатывается несколько сложнее, чем навык производства.

Общение состоит не только из рассуждений, но и из выводов: «Вывод (как этот термин чаще всего понимается в психологии) является результатом новых ментальных репрезентаций на базе исходных» (Sperber & Mercier 2011: 57), а его примером будет появление новых верований или ожиданий на базе предыдущих верований или восприятий. Вывод вовсе не должен быть сознательным, чего не скажешь о рассуждениях, которые, напротив, работают на «понятийном уровне, где сознательно производятся не только новые ментальные репрезентации (заклучения), но и репрезентации, которые им предшествовали (посылки)» (Sperber & Mercier 2011: 57).

Кажется, что при таком толковании вывод и рассуждения можно было бы отнести к быстрому и медленному способам мышления, о которых упоминалось выше. Спербер же и Мерсье предлагают от нее отказаться: рассуждение оказывается лишь специфической формой вывода, то есть выводом, в котором фиксируется не только результат, но и исходные причины или основания (reasons). Люди же, осознавая заключения, не всегда понимают, какие посылки их к ним привели.

Статус «социального», кажется, отрывает рассуждение от индивида. Вместе с тем такая позиция объясняет, почему рассуждение в группах, как правило, эффективнее, чем индивидуальное: групповые рассуждения повышают навык их оценки. Любая аргументация предвзята, так как ни один человек не может обладать полнотой картины. Кроме того, обычно люди подтверждают не то, что является наилучшим решением, а то, что им удобно или то, что в имеющейся ситуации оказывается для них максимально просто подтвердить. Процедура оценивания, неизбежно присутствующая в социуме, позволяет скорректировать исходную предвзятость, выявить слабые стороны аргументации. Однако такую оценку способен предложить не любой социум, а только группа, члены которой придерживаются различных позиций, то есть обладают разнородными мнениями.

Теория Спербера и Мерсье делает очевидным высказанное в конце предыдущего раздела предположение о неуместности слишком тесной связки между критическим мышлением и принятием решений: решения могут быть не только результатом рассуждений, но и результатом выводов, критическая оценка которых, как правило, затруднительна. Сам по себе интуитивный вывод подобным образом не оценивается, но как только подобная потребность возникает, он переходит в разряд рассуждений, что позволяет полностью ре-

авторов (Sperber & Mercier 2017), а также их более ранним работам (Sperber & Mercier 2011). Обзор теории на русском см. (Боброва 2013).

конструировать ход мысли, а после этого его оценить. Такой переход может иметь место как до, так и после факта принятия какого-либо решения.

Теория Спербера и Мерсье лишний раз показывает, что рациональный идеал оценки рассуждения не может быть полностью заимствован из экономики. Если рассуждение — социальное явление, то при его оценке стоит опираться на общечеловеческие, а не экономические иерархии ценностей, и минимизация усилий при максимизации пользы не всегда оказывается правильным решением. Следует признать, что для сохранения социума рационально, если пользоваться терминологией нео-экономистов, как раз учитывать справедливость, а не заменять ее расчетом вероятной выгоды: выгода от того, что человек является членом социума, оказывается для него на порядок выше высчитанной, например, суммы денег. Но при рассмотрении справедливости как выгоды, а не как ценности возникает много новых проблем.

Между тем без ответа остается еще один вопрос, который возникает при принятии социальной природы рассуждений: зависит ли критическое мышление от конкретного человека или оно является результатом социального взаимодействия, которое не поддается его контролю. Аргументами в пользу последнего служат факты, подтверждающие, что эффективность оценки рассуждений в группах и в самом деле оказывается на порядок выше. Однако в пользу первого свидетельствует то, что уровень групповой оценки зависит от состава группы. Чем более образованы члены группы, тем больше они готовы слушать аргументы противников. Чем более они образованы, тем лучшим навыком оценки они обладают. В сообществе единомышленников уровень критической оценки будет довольно низким. Низким он будет и в случае упрямства собеседников. Все это позволяет заключить, что перед нами как раз тот случай, когда навыки группы складываются из навыков конкретных людей, то есть способность критического мышления остается внутренней способностью, которая довольно косвенно связана с аналогичными способностями окружающих. Принятие этой позиции возвращает к вопросу обучения навыкам, которые сегодня условно скрываются под вывеской «критическое мышление».

Подход Канта и критическое мышление

Рассуждая о логике как об инструменте, не стоит забывать, что она не заменяет собой философские принципы, определяющие направление работы, то есть способствующие выработке критического мышления. О таких принципах пишет М. Баумтрог (Baumtrog 2017). Связывая критическое мышление с креативностью, исследователь предлагает руководствоваться следующими четырьмя основаниями: во-первых, разнообразие подходов и углов рассмотрения проблемы, во-вторых, релевантность этих углов, в-третьих, признание ценности каждой из предложенных релевантных позиций. В-четвертых, и этот навык особенно важен в группах, четкое, последовательное и уверенное

изложение своей позиции: «...мы можем не посчитать необходимым произнести мысль или произнести ее слишком рано» (Baumtrog 2017: 146). Третий пункт Баумтрог совершенно справедливо отмечает как наиболее сложный. Впрочем, если обратиться к истории философской мысли, вопросы вызывал он и раньше, его обсуждение всегда представляло ключевой интерес.

Что для понимания принципов критического мышления может предложить философская мысль? Не углубляясь в историю, обратимся к эпохе Просвещения, так как именно она предложила образцы, которыми уместно пользоваться и сегодня. Сходную мысль высказывает и Баттерсби, подмечающий, что сфера, принцип действия критического мышления, ожидания, связываемые с ним, не сильно отличают его от научного познания и рациональности, которые заменили старые идеалы в эпоху Просвещения. Такое сходство позволяет рассматривать проект критического мышления как наследника проекта классической философии (Battersby 2016: 100). Среди философов разных традиций, ограничимся немецкой (по соображениям ее исторической значимости для России).

Если вопросы практической логики максимально скрупулезно, как уже писалось выше, обсуждаются в работах Вольфа, то при анализе философских оснований уместно обратиться к И. Канту. Этот философ возвел обсуждение проблемы критического на такой уровень, ниже которого рассматривать его в наши дни явно не имеет смысла. Собственно о критическом мышлении Кант, конечно, не говорит, а рассуждает о методе, который определяет возможности и расширяет границы человеческого познания. Метод делает обозримыми и границы критического мышления, что позволяет относительно отчетливо сформулировать набор задач и возможностей. Последнее вносит свою лепту как в вопросы понимания его природы, так и в вопросы обучения.

Строго говоря, напрямую Кант не говорит даже о методе: этому вопросу специально не посвящено ни одной работы. О том, что вкладывалось им в понимание «критического», а также чем критический метод отличается от полемического, догматического, скептического, можно судить на основании реконструкций, выполненных современными исследователями. Так, Н. Хинске отмечает, что, в отличие от догматического (в смысле — математического) обоснования, полемический метод предполагает сосуществование и взвешивание аргументов с двух сторон. Скептический метод идет еще дальше: он не только взвешивает противоречащие аргументы, но и предписывает в случае необходимости искусственное создание контраргументации. Однако никакой из методов не идет дальше критического, работа которого предполагает внутреннюю независимость субъекта.

Критический метод, как и его предшественники, констатирует важность сосуществования различных позиций. Однако анализ этих позиций протекает по кардинально иным схемам. Принцип работы критического метода основывается на умении исследователя абстрагироваться от своих внутренних оценок, предпочтений, на его способности оставить в стороне интеллектуаль-

ный снобизм, чтобы оценивать содержательную ценность позиции собеседника. Такие шаги позволяют обогащать исходное знание, что, собственно, и является основной целью исследователя. В соответствии с духом своего времени критический метод работает в направлении постижения новых истин и открытия новых горизонтов, показывая, что в дискуссиях и спорах людей разделяет не односторонняя истина, а свойственное обеим сторонам заблуждение. По этой причине «необходимо не просто принимать одну или другую сторону, а, скорее, вскрывать эту ложную предпосылку, для того чтобы на этом пути окончательно устранить предмет спора» (Хинске 2007: 74).

И если говорить о критическом мышлении как о наследнике идей эпохи Просвещения, то рассматривать его в этом случае стоит через призму именно критического, а не полемического, как это часто бывает, метода. Оценка аргументов за и против без акцента на собственной беспристрастности (для примера см. (Nussbaum & Edwards 2011)) вряд ли способна привести к желанному результату.

Стоит отметить, что в вышеперечисленных положениях Баумтрога можно частично услышать Канта, но с той лишь разницей, что Кант не просто указывает на сложность реализации третьего пункта — признание ценности каждой из предложенных релевантных позиций, — а именно его и ставит во главу угла. Это уже дает основание предполагать, что постижение работы его метода существенно продвинуло бы нас в поисках решения этой проблемы.

Но тут возникают проблемы другого толка. Метод не углубляется в принципы своего функционирования. И если Кант не считает нужным специально написать о самом критическом методе, то надеяться на то, что в его трудах можно найти прямые указания на принципы его работы, было бы наивно. Между тем приблизиться к его пониманию позволяют максимы человеческого рассудка (в широком понимании последнего): максима самостоятельного мышления; максима мышления себя на месте другого; максима последовательного и согласного с собой мышления. Первая максима регламентирует необходимость максимально дистанцироваться от субъективных оценок. Вторая — требует максимально непредвзятого восприятия позиций других. Третья же максима указывает на правила обогащения своих знаний знаниями, полученными от других: такое обогащение должно происходить в максимально непротиворечивой форме (подробнее о максимах и о том, как они связаны с самостоятельностью мышления, см. (Круглов 2014)).

Следование максимах задает направление, каким образом в принципе возможно становление внутренне независимого субъекта. Что касается технической стороны — последовательности изложения позиций, их обоснования и взвешивания, — то тут мы опять вынуждены обращаться к логике. В своей основе критический метод содержит достижения как догматического, так и скептического методов, о чем можно прочесть у Канта в так называемой «Венской логике»: «И появляется критический метод, то есть я исследую источники скептического и догматического методов...» (Kant 1966: 885).

Таким образом, мы с новой силой возвращаемся к тезису о значимости логической культуры, высказанному в начале статьи.

В свете современных когнитивных исследований может показаться, что кантовский подход выглядит старомодным: о какой самостоятельности может идти речь, когда люди живут в мире иррациональных действий, в мире неконтролируемых не только эмоций, но и рассуждений? Все рассуждения базируются не на поиске возможных заключений из посылок, а на интуитивных выводах; ориентируются они прежде всего на коммуникацию, а не на достижение нового знания. Между тем как раз в этой ситуации метод Канта оказывается весьма современным: он задает норматив, следование которому позволяет индивидууму вырабатывать навыки того, что принято называть критическим мышлением. И в этом смысле такой норматив оказывается жизнеспособным даже в парадигме социальной природы построения и оценки рассуждений.

Заключение

Итак, термин «критическое мышление» используется сегодня столь активно, что происходит размывание его содержания. С одной стороны, оно представляется настолько очевидным, что кажется, будто необходимость его определения полностью отсутствует. С другой стороны, любые попытки предложить стройное определение терпят поражение. Тому можно назвать несколько причин — как исторических, так и междисциплинарных. Однако в любом случае игнорировать проблему критического мышления довольно сложно: критическое мышление оказалось слишком интегрированным в современное образование.

Несмотря на множество психологических экспериментов, когнитивных теорий, выработку навыка критического мышления следует связывать, как это делалось и ранее, с совершенствованием логической культуры. Критическое мышление не должно отождествляться с мышлением вообще или с принятием решений. Мы не можем контролировать все выводы, но этого в данном случае и не требуется. Критическое мышление начинает работать в сложных случаях, когда требуется разносторонняя оценка ситуации. Перед ним стоит довольно узкая задача — оценка осознаваемых рассуждений с целью повысить их качество.

Хотя наилучшим образом критическое мышление проявляет себя в группах, повысить способность к нему способен и отдельный индивид. Маяком в данном вопросе может служить метод, предложенный Кантом, благодаря которому тому, кто им владеет, удастся выходить за рамки имеющихся представлений, перестраивать свои ментальные схемы, воспринимать ментальные миры собеседников и строить нечто новое на порядок сложнее. Реализация метода, регламентирующаяся максимами рассудка, напрямую зависит от логической культуры.

Итак, между критическим мышлением и логикой определенно существует содержательная связь, однако они не являются тождественными. Логика является наукой со своим предметом и задачами. Она довольно долго была неотъемлемой частью образования, позволяя студентам вырабатывать навыки оценки рассуждений, логического анализа письменной или устной речи. Эти навыки, безусловно, лежат в основе критического мышления. Но критическое мышление, кроме этого, предполагает еще и умения, которые вряд ли человек способен получить, прослушав какой-то конкретный курс. Способности оставаться непредвзятым и оценивать аргументы противников как свои собственные, о чем пишет Кант, размышляя о критическом мышлении, являются скорее должным результатом общего образования и воспитания индивида. Одним словом, вряд ли отдельный курс критического мышления станет лучшей альтернативой привычным курсам логики, показывавшим свою результативность на протяжении долгого времени. Многовековая история, впрочем, не означает того, что курс логики оставался неизменным. Курс неоднократно переосмыслился, а потому можно предположить, что подобные изменения будут иметь место и в будущем. Каким образом должна преподаваться логика, дабы создавать необходимые предпосылки для использования критического метода? Этот вопрос должен обсуждаться отдельно.

Предложенное возвращение к логике и философии имеет некоторые существенные преимущества. Сегодня критическое мышление изучается многими дисциплинами, большинство из которых опираются на методы описания. Обучение же критическому мышлению должно рассматривать его как нечто нормативное, а такую нормативность может предложить именно логика и философия. Именно они показывают, почему критическое мышление, насколько бы оно не зависело от социума, должно рассматриваться как некий нормативный идеал, приближение к которому зависит от каждого конкретного человека.

Наконец, говоря о критической оценке рассуждений и опираясь на теорию Спербера и Мерсье, можно утверждать, что природа рассуждений чужда идеям экономической выгоды. При позиционировании человека как *homo economicus* он рассматривается как существо, стремящееся максимизировать свою полезность при минимуме усилий, а если этого не происходит, то его выводы расцениваются как нерациональные. Социальная природа рассуждений, как и многовековая история понятия «ratio», говорят против такого подхода: есть ценности более фундаментальные, чем экономические идеалы, а потому эффективность рассуждений следует оценивать в иной плоскости и по другим критериям.

Литература

- Арно и Николь 1991 — *Арно, А., Николь, П.* Логика, или искусство мыслить, где помимо общих правил содержатся некоторые новые соображения, полезные для развития способности суждения. М.: Наука.
- Боброва 2013 — *Боброва, А.С.* Аргументативная теория рассуждений для аргументационных теорий // РАЦИО.ru. № 9, с. 22–39.
- Боброва 2017 — *Боброва, А.С.* Критическое мышление. Проблема определения // РАЦИО.ru. № 18(1), с. 26–36.
- Величковский 2006 — *Величковский, Б.* Когнитивная наука: Основы психологии познания. Т.2. М.: Смысл.
- Вольф 1765 — *Вольф, Хр.* Разумные мысли о силах человеческого разума и их исправном употреблении в познании правды, любителям оной изданы. СПб.
- Драгалина-Черная 2015 — *Драгалина-Черная, Е.Г.* Неформальные заметки о логической форме. СПб.: Алетейя.
- Канеман 2013 — *Канеман, Д.* Думай медленно... решай быстро. М.: АСТ.
- Канеман, Словик, Тверски 2005 — *Канеман, Д., Словик, П., Тверски, А.* Принятие решений в неопределенности: Правила и предубеждения. Харьков: Гуманитарный центр.
- Круглов 2014 — *Круглов, А.Н.* Несовершеннолетие и задача истинного преобразования образа мышления. Часть I // Кантовский сборник. № 3(49), с. 19–39.
- Лисанюк 2015 — *Лисанюк, Е.Н.* Средневековый диспут // Логико-философские штудии. № 4, с. 212–227.
- Хинске 2007 — *Хинске, Н.* Значение проблемы метода в мышлении Канта: о связи догматического, полемического, скептического и критического метода // Иммануил Кант: наследие и проект. М.: Канон+, 2007.
- Blair 2011 — *Blair, J. A.* Informal logic and its early historical development // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. Vol. 4(1). Pp. 1–16.
- Battersby 2016 — *Battersby, M.* Enhancing Rationality: Heuristics, Biases, and the Critical Thinking Project // Informal Logic. Vol. 36, Issue 2. Pp. 99–120.
- Baumtrog 2017 — *Baumtrog, M. D.* Others and Imagination in Reasoning and Argumentation: Improving our Critical Creative Capacity // Informal Logic. Vol. 37, Issue 2. Pp. 129–151.
- Caminada 2008 — *Caminada, M.* On the Issue of Contraposition of Defeasible Rules Frontiers // Artificial Intelligence and Applications. No. 172(1). Pp. 109–115.
- Corcoran 1999 — *Corcoran, J.* Critical thinking and pedagogical license // Manuscripto XXII. Pp. 109–116.
- Dutilh Novaes, 2012 — *Dutilh Novaes, C.* Formal Languages in Logic. Cambridge: Cambridge university press.
- Ennis 2013 — *Ennis, R. H.* Critical Thinking Across the Curriculum // Virtues of Argumentation: Proceedings of the 10th International Conference of the Ontario Society for the Study of Argumentation (OSSA) /Ed. by D. Mohammed & M. Lewiński. Windsor, ON: OSSA. Pp. 1–16.
- Kant 1966 — *Kant, I.* Wiener Logik // Kant's Gesammelte Schriften /Hrsg. von der Königlich Preußischen Akademie der Wissenschaften. Bd. 24.2. Berlin: Walter de Gruyter & Co. S. 785–940.
- Nussbaum & Edwards 2011 — *Nussbaum, E. M. and Edwards, O. V.* Argumentation, critical questions, and integrative stratagems: Enhancing young adolescents' rea-

- soning about current events // Journal of the Learning Sciences. Vol. 20, Issue 3. Pp. 433–488.
- Macagno & Walton 2018 — *Macagno, F. and Walton, D.* Practical Reasoning Arguments: a Modular Approach // Argumentation, to appear, 2018.
- Macagno & Walton 2016 — *Macagno, F. and Walton, D.* Profile of Dialog for Relevance // Informal logic, 2016. Vol. 36, Issue 4. Pp. 523–562.
- MacFarlane 2000 — *MacFarlane, J.* What does it mean to say that logic is formal? PhD dissertation, Pittsburgh University.
- Maynes 2017 — *Maynes, J.* Steering into the Skid: On the Norms of Critical Thinking // Informal Logic. Vol. 37, Issue 2. Pp. 114–128.
- Prakken & Sartor 1997 — *Prakken, H. and Sartor, G.* Argument-based extended logic programming with defeasible priorities. Journal of Applied Non-Classical Logics. Vol 7, Issue 1–2. Pp. 25–75.
- Sperber & Mercier 2017 — *Sperber, D. and Mercier, H.* The Enigma of Reason. Harvard University Press.
- Sperber & Mercier 2011 — *Sperber, D. and Mercier, H.* Why do humans reason? Arguments for an argumentative theory // Behavioral and Brain Sciences. No. 34. P. 57–111.
- Stenning 2001 — *Stenning, K.* Seeing Reason: Image and Language in Learning to Think. Oxford, 2001.
- Stenning & van Lambalgen 2007 — *Stenning, K. and Lambalgen, M. van.* Human reasoning and Cognitive Science. Cambridge, Mass.
- Walton 1989 — *Walton, D.* Dialogue Theory for Critical Thinking // Argumentation. Vol. 3. P. 169–184.